

А. В. МАХНАЧ

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И СЕМЬИ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Александр Валентинович Махнач
Жизнеспособность человека
и семьи. Социально-
психологическая парадигма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25021885

*Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма: Изд-во «Институт психологии РАН»; Москва; 2016
ISBN 978-5-9270-0321-1*

Аннотация

В монографии изложены результаты комплексного теоретико-эмпирического исследования важной научной проблемы – жизнеспособности человека и семьи. Обосновывается возможность методологии системного и экологического подходов к теме жизнеспособности человека – нового для отечественной психологии объекта изучения. Представлена авторская концепция структурно-динамического подхода к понятию «жизнеспособность человека», проводится его концептуализация и операционализация.

Содержание

Введение	5
Раздел 1	15
Глава 1	15
1.1. Понятие «жизнеспособность» в философии и исторической науке	16
1.2. Понятие «жизнеспособность» в кибернетике в анализе устойчивости системы	32
1.3. Понятие «жизнеспособность» при изучении принципов и механизмов управления экономическими системами	39
1.4. Понятие «жизнеспособность» в социологии, экологии и других социальных науках	48
1.5. Понятие «жизнеспособность» в педагогических науках как основа развития и адаптации ребенка в сложных жизненных условиях	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Александр
Валентинович Махнач
Жизнеспособность
человека и семьи:
социально-**

психологическая парадигма

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

* * *

Введение

Термин «жизнеспособность» используется в социологии, антропологии, психологии, педагогике, политологии, экономических и медицинских науках. Но до сих пор нет единства в его понимании, а диапазон расхождений во мнениях о феноменологической сущности этого понятия достаточно широк. Многообразие дефиниций, представленных в литературе, объясняется разнообразием парадигмальной приверженности авторов различным научным традициям. В каждом определении жизнеспособности выделяются разные феноменологические признаки и структурные элементы, факторы детерминации этих подструктур, что осложняет понимание сущности этого явления, поиск инструментария его изучения, выявление механизмов и закономерностей развития. Для осмысления этого понятия необходимо всесторонне изучить предмет исследования в его феноменальной и пространственно-временной континуальности.

Понятие «жизнеспособность» первоначально было разработано в физике материалов, затем появилось в биологии, философии, экологии, социальных науках. Первые исследователи жизнеспособности находили ее в живых системах. Позже психологи, нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системного свойства человека, попытались ассимилировать эти результаты.

Особенно детально научное понятие жизнеспособности было разработано в 1970-е годы в экологии систем, кибернетике. Постепенно концепция жизнеспособности утверждается в качестве доминирующей в области управления системами, природными и человеческими ресурсами. Вместе с тем по-прежнему «наука нуждается в интердисциплинарной обобщающей теории жизнеспособности любых систем». Жизнеспособность систем стали рассматривать как «форму проявления активности и адаптивности системы» (Разумовский, Хазов, 1998).

Концепция жизнеспособности быстро развивается в общественных и социальных науках, становится надтеоретическим, метатеоретическим конструктом и регулярно встречается в исследованиях, в обсуждении международной и финансово-экономической политики, в анализе корпоративных рисков, в социальной психологии, в разработке национального, регионального и городского планирования, в здравоохранении, национальной безопасности.

В словарях термин «жизнеспособность» (resilience) определяется как *гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям), способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние*. В отечественной научной литературе этот термин трактуется по-разному, мы считаем, что английскому «resilience» в русском языке наиболее точно соответствует «жизнеспособность». Попытаемся доказать это в данной книге. В свя-

зи с тем, что отечественные психологи и специалисты других социальных дисциплин приступили к разработке этого понятия относительно недавно, П. Н. Шихирев высказывал в связи с подобными ситуациями следующее соображение: «Как обычно это бывает, после утверждения определенного термина (или категории) начинается борьба за его трактовку той или иной дисциплиной, а внутри нее – за преимущественное право интерпретации тем или иным направлением» (Шихирев, 2003, с. 17). Можно с уверенностью сказать, что отечественная психология проигрывает в этой «конкуренции» за термин представителям многих наук: социологии, философии, экономике. Это, в свою очередь, приводит к почти полному отсутствию в российской психологии исследований жизнеспособности, например, в области психологии развития. В западной литературе жизнеспособности (человека, семьи, общества, коллектива) посвящен огромный пласт не только теоретических изысканий, но и большие кросс-культурные, когортные, лонгитюдные исследования во всех областях психологии.

С 1970-х годов существует проблема неоднозначности толкования нового для психологии термина «resilience», переводимого нами на русский язык как «жизнеспособность». Одной из задач книги является обоснование закономерности появления в психологии терминов «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи» и анализ проблем, связанных с этим:

- 1) содержание и уточнение понятийного аппарата,
- 2) соотнесение его с другими, близкими по смыслу терминами,
- 3) обоснование адекватности перевода на русский язык термина «resilience» как «жизнеспособность»,
- 4) обсуждение существующего в отечественной психологии понимания феномена жизнеспособности;
- 5) разработка адекватного исследовательским и практическим задачам методического инструментария.

«Жизнеспособность» (resilience) не является абсолютно новым термином, хотя его научное определение в психологии до сих пор обсуждается. В значительной степени формирование научных подходов к жизнеспособности человека, по мнению Э. Мастен, происходило в сотрудничестве, взаимовлиянии друг на друга ученых – пионеров исследований жизнеспособности и их учеников, приступивших к выполнению миссии по распознаванию, пониманию, предотвращению и лечению психических проблем здоровья, заметных угроз развитию, травм (Masten, 2007). К ученым – пионерам исследования жизнеспособности относят: детского психиатра Манфреда Блэйлера, детского психолога Лоис Б. Мёрфи, эпидемиолога и психиатра Ирвина Готтесмана, детского психиатра Майкла Раттера, клинического психолога Нормана Гармези, психолога развития Эмми Вернер. Эти ученые обращали особое внимание на траекторию развития человека, которое характеризуется необычайно выраженным приспособ-

соблением и положительным восстановлением после «встречи» с жизненными трудностями. Последние два десятилетия изучение жизнеспособности человека направлено на теоретическое осмысление понятия, и заметную роль в этом сыграли лонгитюдные исследования, в которых этими учеными и их сотрудниками был собран и проанализирован огромный массив эмпирических данных.

Важно отметить, что обращение к теме жизнеспособности предшествовало снижению внимания к патологии и увеличению интереса к сильным сторонам человека (Rak, Patterson, 1996), а позже – семьи.

Логическая взаимосвязь изучения жизнеспособности в философии и кибернетике, а затем в прикладных педагогических, медицинских, социальных и психологических исследованиях свидетельствует о метасистемности понятия. Согласно М. К. Алворд, Дж. Грейдос, во множестве определений жизнеспособности присутствуют описания влияния риска или проблем, а также других переменных, положительно воздействующих на человека. Тем не менее ведется дискуссия о том, что представляет собой поведение жизнеспособного человека и как лучше всего измерять его успешную адаптацию к жизненным трудностям (Alvord, Grados, 2005). Жизнеспособность не одномерное, дихотомическое свойство, которым обладает или не обладает человек. Предполагается, что жизнеспособный человек должен показывать положительные результаты по нескольким аспектам жизни в

течение определенного периода времени (Cicchetti, Rogosch, 1997). Кроме того, жизнеспособность предполагает владение человеком несколькими навыками в разной степени, которые помогают ему справиться со сложными жизненными обстоятельствами (Alvord, Grados, 2005).

Так исторически сложилось, что исследования жизнеспособности человека имеют глубокие корни, прежде всего в психопатологии, однако динамичное изучение этого феномена началось в социальных и поведенческих науках в конце 1970–начале 1980-х годов (Anthony, 1987; Barnard, 1994; Cicchetti, 1993; Cowen, Work, 1988; Egeland et al., 1993; Garnezy, 1976; Luthar, 1991; Masten, 1994, 1999; McCubbin, McCubbin, 1988; Rutter, 1985; Werner, 1993). Впервые понятие «жизнеспособность» использовала М. Скойвал в 1942 г. в анализе задач, стоящих перед социальными работниками, вывозившими детей из английских городов в деревни, спасая их от бомбежек (Scoville, 1942). Согласно Э. Мастен, те ученые, которые впервые обратили внимание на жизнеспособность в критические моменты человеческого функционирования и развития, не придавали особого значения необходимости профилактики, а также пренебрегали изучением способности человека к восстановлению после неблагоприятного и/или психопатологического воздействия окружающей среды (Masten, 2011).

По мнению К. Тусай, Дж. Дайер, в настоящее время все исследования жизнеспособности группируются вокруг трех

аспектов: 1) важность видения динамичной, интерактивной перспективы для понимания жизнеспособности; 2) сложность конструкта жизнеспособности требует целостного подхода; 3) ценность разного жизненного опыта и образования (Tusaie, Dyer, 2004). Жизнеспособность была описана в пространстве трех факторов: внутренние силы, помогающие успешно справляться с проблемными ситуациями; внешняя поддержка и ресурсы; индивидуальные навыки межличностного общения (Grotberg, 1995). Для отечественной науки концептуализация и операционализация сравнительно нового понятия и определение концептуального поля жизнеспособности человека и семьи стали актуальной и интересной научной задачей только в последнее десятилетие.

На разных исторических этапах изучения жизнеспособности исследователями в качестве системообразующего фактора рассматривались: родительская компетентность, неуязвимость ребенка, баланс между различными факторами риска и защитными факторами (Anthony, 1987; Garmezy, 1983; Luthar, Cushing, 1999; Rutter, 1985; Werner, 1993) или как в современных исследованиях: потенциал, ресурс человека, его компетентность (Friborg et al., 2006; Tiet et al., 2010; и др.). Вместе с тем во многих исследованиях системный характер жизнеспособности человека не подчеркивается, и в основном выделяются лишь те или иные частные признаки. Другими словами, по-прежнему жизнеспособность человека описывается в рамках структурного подхода как некая дихо-

томия, например: устойчивость – неустойчивость, хороший – плохой результат, воздействие – отсутствие воздействия.

Канадский эколог К. С. Холлинг более 40 лет назад высказал мнение: несмотря на тот факт, что разные типы систем имеют различные структуры и процессы, уже существуют некоторые общие особенности динамики систем и сформировано в научном сообществе отношение к пониманию жизнеспособности (Holling, 1973). По-видимому, на современном этапе при исследовании жизнеспособности все еще необходимо собирать и обсуждать факты, прямо или косвенно сообщающие нам о существовании этой системной характеристики человека.

Очевидно, что в понятийном поле терминов «жизнеспособность человека» и «жизнеспособность семьи» существует целый ряд определений. Обобщая множество трактовок, скажем, что их объединяет: различные определения способности человека жить: существуя, совладея, выживая и развиваясь – самостоятельно, в семье, в другой малой группе, в обществе. Соответственно, жизнеспособность – это способность на протяжении продолжительного времени сохранять важные свойства личности, а в краткосрочной перспективе – сохранять менее важные, но более актуальные здесь и сейчас свойства. Это понятие включает в себя способность рационально планировать и эффективно, успешно совершать действия в определенных условиях.

Жизнеспособность человека в целом описывают как спо-

способность к самостоятельному существованию или выживанию, но и развитию вопреки влиянию любых внешних факторов. Приведем часто цитируемое определение жизнеспособности: это способность человека или социальной системы строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях (Ваништендаль, 1998).

Говоря о *жизнеспособности семьи*, которой посвящен раздел книги, мы отмечаем факт появления нового понятия в психологии семьи и смежных с нею областях науки, что также привело к возникновению разных его определений. Во многом термин «жизнеспособность семьи» еще не концептуализирован, его понятийное поле по-прежнему не является четко очерченным и на сегодняшний день в основном представляет собой сбор и анализ феноменов, связанных с этим понятием. Актуальность и востребованность исследований жизнеспособности семьи выражается в значительном увеличении числа публикаций по этой теме. Примером является книга по жизнеспособности семьи под редакцией Д. Беквар (*Handbook of family resilience*, 2013), в которой освещены основные направления современных исследований этого феномена в мировой психологии.

В нашей монографии проводится также анализ жизнеспособности замещающих семей, принципы развития жизнеспособности детей-сирот в замещающих семьях и выпускников интернатных учреждений. Анализируется психологическая работа с замещающей семьей и приемными детьми,

которая должна проводиться в контексте развития жизнеспособности замещающей семьи. Представленные в книге данные эмпирического исследования жизнеспособности замещающих родителей позволили увидеть специфику этой группы, выраженность компонентов их жизнеспособности и определить взаимосвязанность этих компонентов с семейными ресурсами и психопатологической симптоматикой.

Таким образом, разработка понятий «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи», объединяющих ряд терминов, часто близких по содержанию, должна привести к построению взаимосвязей между внешними и внутренними факторами, воздействующими на человека и семью, к определению структуры их жизнеспособности и к выделению на основе этого ее системообразующего фактора. Усилия психологов, исследователей и практиков, должны привести к пониманию жизнеспособности как системной характеристики человека и семьи.

Раздел 1

Жизнеспособность как объект междисциплинарных исследований

Глава 1

Формирование концепта «жизнеспособность» в разных науках

Начиная с последней четверти XX в. понятие «жизнеспособность», становясь надтеоретическим метаконструктом, быстро развивается в общественных науках, появляется в обсуждении международной политики, в анализе корпоративных рисков, в национальном, региональном и городском планировании, в разработке базиса национальной безопасности, в научных исследованиях некоторых областей психологии. В ряде теоретических исследований последних лет показано, что жизнеспособность рассматривается как мета-теория, которая объединяет и включает в себя различные теории полей, а также психонейроиммунологию, философию, физику, психологию, восточную медицину, неврологию, экологию, социологию, антропологию.

Задача данной главы – обосновать закономерность введе-

ния в научный оборот нового для отечественной психологии термина «жизнеспособность человека» путем сопоставления его использования в разных науках, а также уточнения понятийного аппарата с позиции двух традиционных моделей исследований: медицинской и психосоциальной. Для этого нами был проведен анализ концептуального поля термина «жизнеспособность» как междисциплинарного понятия в зарубежной и отечественной психологии, философии, кибернетике, социальных и медицинских науках.

1.1. Понятие «жизнеспособность» в философии и исторической науке

Анализ отечественных и зарубежных исследований по проблеме жизнеспособности человека и семьи привел нас к важному заключению о том, что рассматриваемое понятие не случайно активно представлено в философских изысканиях. Человек, формируясь и изменяясь в процессе развития, показывает примеры жизнеспособности вопреки трудным условиям жизни. В философии правила и принципы развития общества, реализация человека в малой и большой группах также отражаются в его жизнеспособности.

В отечественной *философии* термин «жизнеспособность» впервые был употреблен А. А. Богдановым, автором концепции исторически первой и наиболее известной общей тео-

рии систем (Богданов, 1927а)¹. Ее создание было обусловлено развитием научных теорий и дисциплин, изучающих поведение, организацию, самоорганизацию, эволюцию естественных (природных) и искусственных систем, когда возникла необходимость в обобщении и систематизации этих знаний, определении философских идей, предшествующих формированию этих теорий и дисциплин.

Особое место в «Тектологии» занимает обоснование принципа подбора. В основу этого принципа А. А. Богданов положил два основных тектологических механизма: формирующий и регулирующий. Формирующий – это механизм образования комплекса. Регулирующий – подбор, который подразделяется на консервативный и прогрессивный: консервативный подбор означает сохранение или уничтожение комплекса по отношению к какой-либо внешней активности; прогрессивный подбор – это возрастание или уменьшение суммы элементов комплекса. В подробном анализе принципа подбора в «Тектологии» С. Н. Пустильник сравнивает его с принципом отбора в теории эволюции Ч. Дарвина (Пустильник, 1995). Главным отличием тектологического подбора, по Богданову, является его системный характер. Ч. Дарвин имел в виду отбор мелких признаков, незначительных изменений, в то время как А. А. Богданова в «подбор»

¹ К концу XX в. когда «Тектология» А. А. Богданова стала объектом детального изучения, выяснилось, что некоторые теории (например, катастроф, функциональных систем, самоорганизующихся систем и др.) по многим научным основаниям являются тектологическими.

не включает размножение и наследственность, так как тектологический подбор воздействует на весь комплекс в целом, непрерывно преобразуя его в соответствии со средой. Если, по Дарвину, приспособленные особи отбираются и выживают, то, по Богданову, – подбираются и создаются. По мнению А. А. Богданова, приспособление означало не избирательное выживание, как у Ч. Дарвина, а соответствие организованного целого своей среде, т. е. причиной тектологического развития является необходимость приспособления к среде. Тектологический комплекс способен к саморазвитию, повышению своей организованности, характеризующейся такой неустойчивостью, которая приводит к возникновению более высокой организации. Это и является формой приспособления к среде (Махнач, 2003). Для характеристики системы по А. А. Богданову важно то, что приспособленные части системы подбираются и создаются, при этом каждая часть нацелена не на избирательное выживание, а на соответствие организованного целого своей среде.

Следует отметить, что в основе многих концепций самоорганизации систем (см., например: Эшби, 1959) и развития такого междисциплинарного направления в науке, как синергетики, лежит все та же идея А. А. Богданова. По его мнению, неустойчивость системы – это источник ее внутреннего развития, она приводит систему к более высокой организации. В связи с необходимостью обоснования динамической устойчивости развития системы в среде им был исполь-

зован термин «жизнеспособность». Согласно определению А. А. Богданова: «Всякая жизнеспособность относительна; она существует только по отношению к той или иной данной среде; и элементы, в высшей степени, приспособленные для одной среды, наиболее устойчивые под ее влияниями, в другой среде или под существенно иными воздействиями могут оказаться и в большинстве случаев окажутся, мало приспособлены и неустойчивы» (Богданов, 1989, с. 215–216).

Его идея максимума организованности и порядка во всем, включавшая «утопию разумных человеческих отношений» и цель коллективной борьбы за жизнеспособность, впоследствии нашла отражение в ряде философских, этнологических, лингвистических, экономических, исторических исследований. Как известно, и в философии, и в политике А. А. Богданов был последовательным коллективистом, следовательно, отвергал любые формы индивидуалистического мировоззрения и предлагал пути его практического преодоления во всех сферах человеческого бытия. Человек не есть «я», индивид, духовная или телесная субстанция; все это социально-историческая конструкция, имеющая свои временные границы (Добронравов, 2001). В 1926 г. в СССР был создан Институт борьбы за жизнеспособность (первый институт геронтологии, позже переименованный в первый в мире Институт переливания крови), руководителем которого был назначен А. А. Богданов (Неизвестный Богданов..., 1995).

Таким образом, жизнеспособность человека, по А. А. Бог-

данову, имеет системный характер, воздействует на человека в целом, непрерывно преобразуя его в соответствии со средой, приспособлявая части системы друг к другу с целью усиления устойчивости развития человека в среде².

В философии есть и другие попытки определить те факторы, которые в самом общем виде определяют жизнеспособность человека, общества, государства. По мнению известного философа и историка А. А. Брудного, само «существование человечества есть проявление и следствие его жизнеспособности» (Брудный, 2013, с. 100). Так в самом общем виде им видится взаимосвязь жизнеспособности индивида и человечества. По мнению ученого, высокая жизнеспособность человечества издавна определялась четырьмя неравнозначными факторами. Первый фактор – реализация способности к труду и способности проектировать, использовать его продукты. Второй фактор – наличие природных ресурсов, позволяющих черпать энергоносители и находить возобновляемые источники средств к существованию. Третьим фактором была известная популяционная разобщенность. Четвертый фактор, определен им как базисный, как первооснова, он состоит в способности человека к самовоспроизведению, половому отбору, производству человека человеком (Брудный, 2013). Эрнст фон Глазерсфельд считает:

² Позже, с 1980-х годов, философы, экологи, экономисты стали говорить о динамической устойчивости системы как основной характеристике ее жизнеспособности (Боссель, 2001; Гизатуллин, Троицкий, 1998; и др.).

в процессе своей жизнедеятельности (жизнеподдержания), что в равной степени относится как к биологическому существованию, так и к социальным аспектам «выживания», организм сталкивается с факторами внешней среды (препятствиями), которые в разной степени влияют на его жизнеспособность и, соответственно, вызывают различные поведенческие реакции. Если ответная реакция на воздействие внешней среды является адекватной, т. е. позволяет организму продолжить свое существование (через удовлетворение потребностей – «желаемых целей»), то организм оказывается пригодным для жизни в данной среде, является *жизнеспособным* (Цоколов, 2001). Существенно то, что понятие жизнеспособности Глазерсфельд переносит из сугубо биологического контекста в область эпистемологии. Им же введен и сам термин «жизнеспособность», не имеющий строгой смысловой привязки только к биологическому аспекту жизни.

Похожий взгляд на жизнеспособность системы мы находим в исследованиях О. С. Разумовского и М. Ю. Хазова (Разумовский, 1997; Разумовский, Хазов, 1998). Развитые жизнеспособные (и устойчивые) системы являются относительно гармонизированными внутренне и тем самым относительно стабильными. В результате этого во всех своих взаимодействиях со средой они выступают как внутренне непротиворечивые. Известно также, что сильные флуктуации среды разрушают любую систему. В итоге может быть

сформулирован принцип: в ходе развития жизнеспособности степень качества, устойчивости и надежности системы возрастает, если сами системы стабильны, а среда устойчива и гармонизирована с этими системами (Разумовский, Хазов, 1998). Жизнеспособность системы, в которую включен человек (общество, государство), они стали рассматривать как форму проявления ее активности и адаптивности. С одной стороны, жизнеспособность в более широком смысле – это сочетание устойчивости системы и ее адаптивности, ее самоидентичности и соответствия, полезности, пригодности; оптимальности и неоптимальности (Разумовский, Хазов, 1998). С другой стороны, нестабильность системы, ее утомление и как следствие – ее нежизнеспособность являются также значимыми характеристиками, необходимыми для прогноза оптимальности этой системы. С этой точки зрения изучение утомления и усталости как неоптимальных качеств системы также необходимо для более полного понимания феномена жизнеспособности системы. По мнению О. С. Разумовского, утомление характерно для всех фаз действий или деятельности бихевиоральных систем, таких как: 1) мобилизация (т. е. подготовка к действиям); 2) первичная рефлексия и реакции, когда в таких системах, как организм, идет процесс количественного уравнивания необходимых затрат на совершение действий (или работы у человека) с наличным запасом сил и ресурсов; 3) компенсация, когда работоспособность адекватна требованиям деятельности; 4)

субкомпенсация; 5) декомпенсация; 6) срыв. Три последние фазы отражают постепенное истощение ресурсов и резервов бихевиоральной системы, а также снижение работоспособности и жизнеспособности вообще (Разумовский, 2001). Для понимания признаков системы, лежащих в основе ее баланса или оптимальности, помогает соотнесение факторов, влияющих на эту оптимальность. В теории жизнеспособности первой, самой важной проблемой оптимальности можно считать проблему продления жизни системы в течение максимально возможного времени или повышение вероятности ее жизни в течение заданного времени. Вопрос о жизнеспособности системы, о продлении ее жизни, об оптимизации ее строения и поведения, целей и ценностей реально встанет лишь тогда, когда она находится или может находиться в *пограничной ситуации*, и чем острее ситуация, тем выше потребность в оптимизации (Хазов, 1999).

Философ, историк и социолог А. С. Ахиезер рассматривал жизнеспособность как категорию, аналогичную категории «воспроизводство», т. е. как способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, преодолевая их и отвечая на них соразмерно реальному вызову истории. В рамках разработанной им концепции выживаемости жизнеспособность понимается как «способность субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование» (Ахиезер, 1996, с. 59–60). Различным угрозам обществу и ка-

тастрофам, по его мнению, противостоит способность людей, (со) обществ воспроизводить себя, (суб) культуру, отношения, способность выживать, наращивать жизнеспособность, свой творческий рефлексивный потенциал, обеспечивать прогресс массового гуманизма, превращать конструктивную инновацию в культурную ценность. Следует отметить, что среди переменных, определяющих жизнеспособность общества, он выделял важную способность последнего воспроизводить себя, отношения, культуру, которая в исследованиях психологов определена и исследована как базовый признак жизнеспособности. А. С. Ахиезер жизнеспособность соотносил со способностью человека преодолевать трудности, и, по нашему мнению, это характеризует механизм *совладания* (копинг). Вместе с тем выделяемая им способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей является характеристикой *жизнеспособности* человека.

Философ В. Н. Шевченко также определяет понятие «жизнеспособность» как способность существовать, воспроизводиться и развиваться. С возрастающей ролью этой способности сталкивается любое государство при изучении кризисных состояний. Государство управляет потоком социальной энергии, придает ему определенную упорядоченность и, главное, – направленность (Шевченко, 2006). Говоря о концепции устойчивого (жизнеспособного) развития человечества, О. С. Разумовский предложил не забывать о существе

фундаментальных общесистемных законов, формирующих, в частности, устойчивое развитие общества и государства. Для этого необходимо соблюдение нескольких, но критически важных условий: а) усиление гуманизации всех отношений между людьми на всех уровнях; б) развитие руководства и управления как высокопрофессионального занятия; в) прекращение манипуляции общественным сознанием, посредством контроля СМИ со стороны государства; г) создание психологических условий для сплочения людей, кооперация во всех сферах деятельности; в иных условиях возможна потеря поколения; д) сужение сферы действия отрицательной активности людей, так как индивидуализм и эгоизм в крайних проявлениях опасен для человечества; е) расширение сферы действия в обществе положительной активности людей (Разумовский, 1997).

С. Г. Кара-Мурза постулирует понятие «жизнеспособность» как метафору в отношении цивилизации, как продукт культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс): «Важным индикатором жизнеспособности цивилизации (как и страны) является выполнение функции целеполагания, когда цивилизация указывает цель как образ светлого будущего» (Кара-Мурза, 2010, с. 18). К основным признакам цивилизации, которые «формируют ее жизнеспособность, он относит: 1) народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте; 2) природные условия (тер-

ритория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы); 3) культура во всех ее срезах: универсум символов и ценностей; знания, навыки и умения, системы их социодинамики; искусство; техносфера; хозяйство; 4) государство» (Кара-Мурза, 2010, с. 22–23). А жизнеспособность цивилизации в целом, по мнению В. И. Уколовой, определяется «возможностью последовательного освоения жизненной среды и развитием духовного начала во всех видах человеческой деятельности» (Уколова, 1991, с. 12). Согласно А. Тойнби, по мере роста цивилизаций все более углубляется их дифференциация. И, наоборот, по мере распада увеличивается степень стандартизации. Тенденция к стандартизации весьма примечательна, если учесть масштаб многообразия, которое она должна преодолеть. Надломленные цивилизации, вступая на путь распада, демонстрируют привязанность к самым различным областям деятельности – от ярко выраженного интереса к искусству до увлечения механизмами. Интерес может быть самым неожиданным, ибо это отголосок или воспоминания о днях роста. Тем не менее в истории цивилизации, пережившей катастрофу надлома, существует стремление к некоторой стандартной форме. Признаком гибнущего общества является наличие раскола между наиболее жизнеспособными силами общества. Социальный раскол представляет собой критерий распада надломленного общества. Общество, по А. Тойнби, «в своей жизни сталкивается с серией задач, которые оно и решает наиболее приемлемым для

себя образом. Каждая такая проблема – это вызов истории. Посредством этих испытаний члены общества все больше и больше дифференцируются. Каждый раз одни проигрывают, другие успешно находят решение, но вскоре некоторые из решений оказываются несовершенными в новых условиях, тогда как другие проявляют жизнеспособность даже в изменившихся обстоятельствах. Испытание следует за испытанием. Одни утрачивают свою оригинальность и полностью сливаются с основной массой, другие продолжают борьбу в сверхъестественном напряжении и тщетных ухищрениях, третьи, достаточно умудренные, достигают высот совершенства, строя свою жизнь на новых путях» (Тойнби, 1991, с. 25–26).

В философии наряду с понятием «жизнеспособность» существует синонимичное ему – «витальность». Под витальностью понимают, с одной стороны, мощь, напор жизни, с другой, с ним ассоциируется способность к выживанию, к балансированию на грани жизни и смерти. В современном научном языке тема витальности бытует больше во втором значении: «жить на грани выживания». Выживание – ключевое слово в лексиконе человека с улицы и клише журналистского языка. Интеллектуалами и политиками идея витальности обществ как их жизнеспособности ныне стала восприниматься как значимый предмет рассуждения (Козлова, 1998). В своей книге «Мужество быть» П. Тиллих пишет: «Жизнь включает в себя страх и мужество в качестве

элементов жизненного процесса, находящихся в состоянии подвижного, но в сущности устойчивого равновесия. Такое равновесие, а вместе с ним и сила бытия, обладает тем, что на языке биологии называется витальностью, т. е. способностью к жизни. Следовательно, настоящее мужество, как и настоящий страх, необходимо понимать как выражение совершенной витальности. Мужество быть – это функция витальности. Ослабление витальности влечет за собой ослабление мужества. Укрепить витальность – значит укрепить мужество быть» (Тиллих, 1995, с. 31). Великий теолог связывает витальность с интенциональностью, т. е. отношением к смыслам и дает такое определение витальности: «Витальность человека настолько велика, насколько велика его интенциональность: они взаимозависимы. Это делает человека самым жизнеспособным из всех существ. Он может выйти из любой данной ситуации в любом направлении, и эта возможность побуждает творить вне себя, не теряя при этом самое себя. Чем большей способностью творить вне себя обладает существо, тем в большей степени оно витально. Мир технических творений является самым заметным выражением витальности человека и его бесконечного превосходства над витальностью животного. Если правильно понимать связь между витальностью и интенциональностью, то можно принять биологическую интерпретацию мужества в рамках заданных ограничений» (там же, с. 32). Здесь им описана инструментальная функция витальности, показывающая,

насколько человек, попадающий в сложные условия жизни, остается жизнеспособным, опираясь на свой психофизиологический потенциал, а витальность и ее интенциональность детерминирует большинство поступков человека. Еще у П. Тиллиха, в философском наследии которого одно из важных мест отводится изучению значимости христианства в культуре и экзистенциальному опыту современного человека, мы находим определение витальности, т. е. *способности к жизни* (курсив мой. – А. М.) как основы человеческого существования (Тиллих, 1995). В своем фундаментальном труде «Систематическая теология» П. Тиллих уточняет свое понимание витальности, подчеркивая такой аспект этого понятия, как динамичность: «Витальность – это та сила, которая поддерживает жизнь и рост живого существа. Динамический элемент в человеке открыт во всех направлениях и не связан априорно ограничивающей структурой. Человек способен творить мир, помимо данного мира; он создает техническую и духовную сферы. Динамика выходит за пределы природы только в человеке. Это и есть его витальность, и, следовательно, только человек обладает витальностью в полном смысле этого слова» (Тиллих, 2000, с. 180). Цитируя своего друга и учителя П. Тиллиха, Р. Мэй приводит его слова: «...интенциональность и витальность связаны с тем фактом, что жизненность человека проявляется не просто как жизнеспособность, как биологическая сила, а как установление связи с миром, формирование и перестраивание

мира посредством различных видов созидательной деятельности». Таким образом, степень интенциональности человека можно рассматривать как степень его мужества – «мужества быть» по П. Тиллиху (Мэй, 1997, с. 137). Далее Р. Мэй, уходя в этимологию слов, сопоставляет интенциональность и интенсивность, делая акцент на энергетической составляющей общего для этих слов корня и определяя место интенциональности в психологической жизнеспособности. «Интенциональность можем связать с „интенсивностью“ переживания или степенью „напряженности“ жизни». «Предпринимался ряд попыток определить то, что мы подразумеваем под витальностью в психологической сфере: употреблялись такие слова, как „энергия“ и т. п., но без особого убеждения в том, что это что-то значит. Но разве интенциональность не предоставляет нам критерий для определения витальности как психологической жизнеспособности?» (Мэй, 1997, с. 137). Р. Мэй обращает внимание на значимость учета составляющих жизнеспособности человека в практике психотерапии: «Степень интенциональности может определить энергетику человека, потенциальную силу его обязательств, и его способность, если мы говорим о пациенте, продолжать лечение» (там же, с. 137). Этим определением Р. Мэй обращает внимание на характеристику жизнеспособности, которую многие исследователи называют способностью «гнутья и не ломаться».

В целом обсуждение понятия «жизнеспособность» в фи-

лософии (Богданов, 1927б; Гизатуллин, Троицкий, 1998; Кара-Мурза, 2010; Ортега-и-Гассет, 1990; Соколова, 2006; Тиллих, 1995; Шевченко, 2006; и др.), появление философской методологии исследований жизнеспособности человека и рефлексия ученых об этом феномене, очевидно приведет к обоснованию метатеоретического характера этого понятия.

Таким образом, философия и историческая наука усматривают жизнеспособность человека как субъекта общества в динамической устойчивости его развития, в способности обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование, в способности существовать, воспроизводиться и развиваться. В жизнеспособности исследователи выделяют способность субъекта в непростых условиях жизни воспроизводить не только себя, но и свою культуру. При этом жизнеспособность определяется как метафора в отношении цивилизации, как продукт культуры. Можно сказать, что историко-философская парадигма анализа жизнеспособности человека позволила выявить метасистемный характер этого феномена и разработать теоретические основания для дальнейших исследований.

Для психологической науки крайне важен опыт изучения жизнеспособности человека и семьи философами и историками. Ими, а также учеными-кибернетиками предложено понятие «жизнеспособность», базирующееся на принципе развития в живых, динамических системах, который способен стать методологическим основанием для психологи-

ческих исследований. Утверждение, что «философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» (Делёз, Гваттари, 1998, с. 10), помогает понять закономерность появления в философии концепта «жизнеспособность» и обосновать новые концепты: «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи» уже в психологии. Также философия позволяет соотнести ранее существующие и близкие по смыслу понятия в психологии с новым, так как «у концепта есть становление, которое касается уже его отношений с другими концептами, располагающимися в одном плане с ним. Здесь концепты пригнаны друг к другу, пересекаются друг с другом, взаимно координируют свои очертания, составляют в композицию соответствующие им проблемы, принадлежат к одной и той же философии, пусть даже история у них и различная» (там же, с. 29). Философские изыскания, направленные на концептуализацию понятия «жизнеспособность», с очевидностью помогают нам понять и абсолютность этого понятия в его целостности и его относительность в конкретных проявлениях изучаемых нами объектов – человека и семьи.

1.2. Понятие «жизнеспособность» в кибернетике в анализе устойчивости системы

Основой системного подхода к исследованию жизнеспособности

способности в 1960-х годах стали работы создателя и вдохновителя экономической кибернетики С. Бира, проведенные на основе теорий Н. Винера, У. Эшби, К. Шеннона, Дж. фон Неймана. Развитие модели жизнеспособной системы С. Бира (Viable System Model – VSM) позволяет анализировать существующие организационные структуры на предмет функциональной полноты, модифицировать их или синтезировать новые, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к их жизнеспособности и эффективности функционирования. Сейчас это направление развивается с привлечением теории систем, науки о сложности, аутопоэзиса, синергетики. По мнению А. Дийкстра, кибернетика по-прежнему играет главную роль в создании «нового языка» для «переменных высокого порядка» исследований по жизнеспособности, отвечая на вопрос о том, как моделировать жизнеспособность, что может быть в некоторой степени выполнено путем изучения и проникновения в суть кибернетики (Dijkstra, 2007). У. Эшби определял «жизнеспособность» как способность системы сохранять свои характеристики в заданных пределах, называя это термином «устойчивость» (Эшби, 1959). «Ясно, что понятие устойчивости является по существу составным. Лишь когда указан каждый его аспект, оно может применяться к конкретным случаям.

Его преимущество заключается в том, что в подходящих случаях оно может кратко подытожить различные более или менее запутанные возможности. В качестве сокращений в

тех случаях, когда явления достаточно просты, такие слова, как «равновесие» и «устойчивость», очень ценны и удобны. Употребляя их, надо всегда быть готовым вычеркнуть их и подставить вместо них – в терминах состояний, преобразований и траекторий – самые факты, которые они обозначали» (Эшби, 1959, с. 126–127). Через все значения слова «устойчивость» проходит основная идея «инвариантности». Эта идея состоит в том, что, хотя система в целом претерпевает последовательные изменения, некоторые ее свойства («инварианты») сохраняются неизменными (там же, с. 108). У. Эшби говорит также о неустойчивости (устойчивости) или балансе системы, выделяет как важную переменную системы – активность действия системы. «Устойчивость обычно считается желательной, ибо наличие ее позволяет сочетать некоторую гибкость и активность действия с некоторым постоянством» (там же; с. 120). По его мнению, устойчивость не всегда хороша, ибо система может упорствовать в возвращении к такому состоянию, которое по другим причинам считается нежелательным. Современные кибернетики, в частности, Э. Холлнагел с соавт. утверждают, что «жизнеспособность системы может быть описана:

1) как *качество функционирования*, из чего вытекает два важных следствия:

а) система должна быть жизнеспособна и иметь возможность восстанавливаться после сильных воздействий, нарушений и ухудшений условий труда;

б) жизнеспособность требует непрерывного мониторинга производительности системы с пониманием того, как и что происходит в ней; в этом отношении жизнеспособность сопоставима с совладанием с трудностями и способностью сохранять контроль над ними;

2) как *форма контроля*: знать, что произошло (в прошлом), что происходит (в настоящем) и что может случиться (в будущем); обеспечивать контроль; знать, какие необходимо иметь ресурсы, чтобы выполнить это» (Hollnagel et al., 2006, p. 347–348).

По мнению А. Б. Докторовича, которое разделяют другие исследователи, «при более широком толковании понятия системы, ориентированном на социальную и/или экономическую полезность, важно не только оценивать способность функционировать до наступления предельного состояния при определенных условиях эксплуатации, но и обеспечивать экономический или социальный эффекты в течение всего периода времени функционирования. В социальном государстве и в социально ориентированной экономике системный анализ функционирования любой жизнеспособной системы, объекта или проекта должен учитывать не только их экономическую эффективность в период срока окупаемости, но и социальную полезность и эффективность на протяжении всего периода функционирования» (Докторович, 2015, с. 87).

Таким образом, кибернетические исследования жизне-

способности и устойчивого развития, начавшиеся с середины прошлого века, задали мощный вектор развития понимания законов и механизмов, общих закономерностей сложных систем и отраслей знания, таких как экономика, менеджмент, эволюционная биология, социология и психология.

Именно кибернетика, возникшая на стыке математики, логики, семиотики, физиологии, биологии и социологии, благодаря разработанным в ней моделям, позволила рассматривать организацию сфер жизнедеятельности человека в экологических, экономических, социальных системах, искать в них закономерности и строить модели. Можно сказать, что кибернетика смогла объединить начавшиеся с середины 1980-х годов междисциплинарные исследования и задать параметры изучения интересующего нас феномена жизнеспособности человека, семьи и общества.

Для исследования жизнеспособности человека и семьи идея устойчивости системы, изучаемая в кибернетике, является одной из основополагающих. Не случайно некоторые из отечественных психологов переводят термин «resilience» как устойчивость. Именно устойчивость как характеристика семьи помогает ей оставаться жизнеспособной системой – и эта идея корнями уходит в кибернетику. Вторая основная идея, перенимаемая психологией от кибернетики, – это междисциплинарность исследований, что особенно заметно в изучении жизнеспособности семьи. В настоящее время в

исследованиях жизнеспособности семьи является актуальным вопросом о том, какие психические функции, процессы, механизмы допускают алгоритмирование, что является важным местом пересечения исследований в психологии и кибернетики. В частности, один из возможных алгоритмов характеризуется направленностью на результат, на некое состояние системы, которое установлено как цель.

В этом случае жизнеспособность семьи как цель может и должна быть реализована в действиях членов семьи. Если говорить о жизнеспособности человека, то направленность на определенный результат для него будет заключаться, например, в формировании тех качеств личности или эффективном поведении, которые будут способствовать его жизнеспособности.

Другая характеристика алгоритмирования состоит в детерминированности управляемого данным алгоритмом процесса, благодаря чему в исследовании жизнеспособности человека и семьи более четко описываются внешние, внутренние процессы, их взаимовлияние, становятся определенными факторы детерминации этой системной характеристики. Детерминированность жизнеспособности человека и/или семьи разными факторами является, как доказано многочисленными эмпирическими данными, управляемым процессом, который основан на обмене информацией между субъектом и объектом формирования жизнеспособности. Эта тема в применении к жизнеспособности человека и семьи

также связана с влиянием кибернетики на психологию и является актуальной.

Еще одно заметное влияние кибернетики на психологию и, в частности, на исследование жизнеспособности человека проявляется в проверке степени соответствия разработанных алгоритмов тем задачам, которые должен выполнять человек (семья, социальная группа или общество). Именно в появлении доказательств соответствия и следует видеть не только правильность разработанных алгоритмов, но и проявление жизнеспособности как свидетельство правильности этих алгоритмов. Например, если планируемая программа развития общества, – а это часто идеальная модель того, что необходимо создать, – начинает давать ожидаемые результаты, способствующие развитию его жизнеспособности в соответствии с задачами алгоритма, то моделирование было правильным.

Важным «приобретением» психологии от сотрудничества с кибернетикой является часто применяемый метод моделирования, заключающийся в создании формальной модели психического или социально-психологического управляемого процесса в работах Дж. Гибсона, У. Найссера, А. Лешли и др. И в этом аспекте процесс моделирования жизнеспособности часто представляет собой некую экстраполяцию влияния факторов среды, личностных переменных, контекстов разного уровня на формирование жизнеспособности человека и/или семьи. Созданные модели позволяют, с одной сто-

роны, проверить эффективность спланированного алгоритма, а с другой – глубже проникнуть в сущность процесса детерминации (см., например: Сергиенко, 2015а).

Важным аспектом, на котором следует сделать акцент в современных тенденциях изучения жизнеспособности, является переход от кибернетического подхода к синергетическому. Если в первом – детерминация, алгоритмирование, формальные модели являются базовыми понятиями, то во втором подходе основным видится все, что относится к самоорганизации человека или семьи: самоэффективность, самоконтроль, самообладание, самопознание, самоуважение, способствующие повышению их жизнеспособности.

1.3. Понятие «жизнеспособность» при изучении принципов и механизмов управления экономическими системами

В экономических научных публикациях последних лет также рассматриваются различные подходы к теоретическому обоснованию понятия «жизнеспособность» (Д. Кутю, Ф. Малик, Б. П. Плышевский, Й. Шеффи). Еще в 1935 г. в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова в словарной статье о жизнеспособности приводится пример использования этого понятия – «жизнеспособность учреждения» (Толковый словарь русского..., 1935, с. 870).

В последнее время в экономических науках на осно-

ве выводов, сделанных великими кибернетиками, основной акцент в изучении жизнеспособности делается на устойчивом развитии, прежде всего, больших социальных систем, государств, макроэкономике. Следует также отметить тот факт, что в отечественных экономических исследованиях по-прежнему как взаимозаменяемые используются два понятия – «жизнестойкость» и «жизнеспособность». Например, как жизнестойкость описывается жизнеспособность территории: приводятся факторы уязвимости территории, снижающие ее конкурентный иммунитет, и предлагаются рекомендации по повышению жизнестойкости (Важенина, Важенин, 2013).

В экономических исследованиях с 1987 г. в рамках концепции устойчивого развития, появившейся в результате объединения трех основных точек зрения: экономической, социальной и экологической, – все чаще стали говорить о том, что эта концепция социально ориентирована. Она направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов (Гизатуллин, Троицкий, 1998). Практически во всех исследованиях, изучающих устойчивость развития предприятия, города или даже системы в целом, прежде всего, говорят об их жизнеспособности. Известный философ и политолог Ф. Фукуяма не раз обращался к феномену жизнеспособности, описывая жизнеспособные альтернативы либеральной демократии, сопоставляя авторитарные социаль-

ные системы с позиции их жизнеспособности. По его мнению, в «основу экономики положена концептуальная модель рационального и корыстного поведения человека, которая полно раскрывает закономерности функционирования денег и рынков, четко ориентируется на принцип личной пользы, материального блага, потребительского благосостояния. Как хорошо понимал Адам Смит, экономическая жизнь глубоко укоренена в социальной жизни, и ее невозможно понять отдельно от обычаев, нравов и устоев конкретного исследуемого общества – одним словом, отдельно от его культуры» (Фукуяма, 2004а, с. 31). В таких условиях жизнеспособность и успешность экономического развития общества должны учитывать социальный капитал, уходящий корнями в культуру. В таком понимании жизнеспособность имеет только общий функциональный смысл в соответствии с определением в большинстве толковых словарей: быть приспособленным к жизни, сохранять свое существование в меняющихся условиях среды. Однако заложенный в понимании жизнеспособности еще один очень важный смысл – развиваться в предложенных условиях – в этом определении отсутствует.

Говоря о происходящих в настоящее время в экономике процессах, Ф. Фукуяма придает особую значимость социальному капиталу, являющемуся частью культуры общества. По его мнению, «социальный капитал выступает в форме спонтанной социализированности, т. е. в виде добровольных и инициативных сообществ с едиными моральными нормами,

ценностями и дисциплиной» (Фукуяма, 2004а, с. 54). А. А. Фролов обратил внимание на исследования Ф. Фукуямы в связи с тем, что возникла необходимость по-новому интерпретировать высказывания классика отечественной педагогики А. С. Макаренко, поскольку он увидел в его идеях обращение к социальному капиталу по Ф. Фукуяме. У Макаренко положение человека в системе производства является основой основ положения человека в обществе. «Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека» (Макаренко, 1983, с. 249). А. С. Макаренко связал идею воспитания с ценностью человека, которую в настоящее время в рамках производственных отношений определяют как социальный капитал. Такие переменные, как самоэффективность, оптимизм, надежда, перечислены как составляющие психологического капитала наряду с жизнеспособностью. В ряде исследований эти переменные являются включенными понятиями в концепт «жизнеспособность» (Lemay, Ghazal, 2001; Malik, 2013; Panter-Brick, Eggerman, 2012; Roger, 2006; и др.).

На кафедре экономической кибернетики в учебно-научном институте «Экономическая кибернетика» Донецкого национального университета (г. Донецк, ДНР) проводятся исследования по жизнеспособности экономической системы государства, особенно важные для переходного периода. В частности, был издан цикл монографий «Жизнеспособные системы в экономике», а методология моделирова-

ния жизнеспособных систем была изложена коллективом авторов в монографии, вышедшей в этом институте в 2008 г. В ней определены основные направления и критерии для частных исследований жизнеспособности конкретных экономических объектов. Мысли, изложенные в книге, придают импульс оформлению инновационных идей по управлению экономическими объектами различной природы, и могут служить руководством для менеджеров по применению современных инструментов управления. По мнению Ю. Г. Лысенко, одним из важнейших курсов в управлении экономическими системами является моделирование и синтез эффективных организационных структур, способных к поддержанию гомеостатичного равновесия в условиях нестабильности экономической среды (Лысенко, 2008). Формализация модели жизнеспособных систем и разработка прикладного инструментария анализа на базе современных информационных технологий представляет направление дальнейших исследований в этой области (Лысенко, 2008; Лысенко и др., 2009). Жизнеспособность социально-экономической системы (СЭС) связывается с ее адаптацией, направленной на достижение главной цели – сохранение жизнеспособности. Развитие теоретических принципов управления жизнеспособностью СЭС позволит повысить ее адаптивные качества, обеспечить стойкое функционирование и постоянное развитие. Для обоснования концептуальных принципов управления жизнеспособностью СЭС необходимо детально изу-

читать возможность прогнозирования негативных влияний и построения внутренних автоматических механизмов адаптации к ним (Лех, 2014).

В такой области, как управление экономикой, исследования жизнеспособности проводятся австрийским и швейцарским экономистом Ф. Маликом (Fredmund Malik), где еще в Школе менеджмента Университета Санкт-Галлена (Швейцария) в 1970-е годы Х. Ульрихом была разработана системная модель менеджмента. В известной работе Ф. Малика приведено несколько определений составляющих жизнеспособность предприятия: это не просто выживание, а процветание предприятия, сохранение его жизненной силы и конкурентоспособности. В его понимании законы кибернетики, применяемые в любой организации общества, включая политическую сферу, помогают достигнуть «нового мира функционирования», что принесет пользу всему обществу (Малик, 2008).

В последнее время стали появляться исследования жизнеспособности предприятий, в которых описываются ее общие признаки, способы оценки (Домрачев, 2005). В другой работе на примере деятельности банка были проанализированы и выделены индикаторы его жизнеспособности. Было предложено ввести в деловой и научный оборот термины, образованные от слова «витальность», которые, являясь своеобразными индикаторами, способны описать жизнеспособность банка. Рост устойчивости, стабильности или надежно-

сти банка, как правило, воспринимается нами в ассоциативной связи с проявлениями его жизнеспособности, жизненной энергии или силы (Гойденко, 2006). Жизнеспособность организации также рассматривается в современных условиях рисков различного генеза, в том числе – террористических угроз. Повышение общей устойчивости инфраструктуры как ответа на вызовы постиндустриального общества базируется не на статичной «защите» отдельных, наиболее «критических» объектов и инфраструктур от ограниченного спектра известных угроз. Меры этого типа, по мнению Е. А. Степановой, будут адекватными только в контексте общего повышения устойчивости (resilience) системы инфраструктуры к внешним и внутренним угрозам и рискам, в том числе новым, неожиданным и плохо поддающимся прогнозированию. В данном случае «устойчивость» подразумевает способность системы не только выдерживать масштабный удар, но и быстро восстанавливаться, в том числе в видоизмененном виде, адаптированном к новым условиям (Степанова, 2010). Концепция жизнеспособного предприятия (Шеффи, 2006) также связана с общим подходом к устойчивому развитию. Концепция устойчивого развития реализуется в том, что «предприятия будут создавать жизнеспособное общество посредством деловой активности, в полной мере отражающей экономические, экологические и социальные аспекты» (Содействие..., 2007, с. 7). В исследовании муниципального образования «жизнеспособность»

означает способность хозяйствующих субъектов территории обеспечивать их устойчивое функционирование и развитие. Основой жизнеспособности муниципального образования является потенциал его развития как совокупность социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов (Савенков, 2002). Особенно важно, что жизнеспособность социальной системы во многом определяется результативностью ее системы управления, способностью последней рефлексировать, адаптироваться, создавать условия и модели, адекватные современным тенденциям и закономерностям (Костко, 2004).

Таким образом, в экономических науках содержание термина «жизнеспособность» используется с опорой на кибернетику. В экономических исследованиях, как и в кибернетике, изучаются большие системы в масштабах государства, макроэкономики, их устойчивого развития, но их специфика состоит в том, что они ориентированы на уровень предприятия и сотрудников, работающих на них. Как и в других отраслях науки, в отечественных экономических исследованиях два понятия – «жизнестойкость» и «жизнеспособность» – подменяются друг другом и используются не всегда корректно. В экономических науках социальный, экологический и экономический аспекты сопрягаются на социальной ориентированности концепции жизнеспособности социально-экономических систем. Наиболее перспективным в экономических исследованиях представляется изучение прин-

ципов и механизмов управления экономическими системами, особенностей моделирования эффективных организационных структур, способных к поддержанию гомеостаза, т. е. жизнеспособности в условиях нестабильности экономической среды. В двух основных тенденциях экономических исследований – изучение *функционирования* в существующих социально-экономических условиях и изучение *развития*, приводящего к изменениям окружающего мира, – проявляется устойчивое социально-экономическое развитие и жизнеспособность экономической системы. Говоря о взаимовлиянии экономической науки и исследований жизнеспособности как психологического понятия, прежде всего, следует обратить внимание на бурно развивающуюся организационную психологию и психологию управления. Очевидно, в рамках этих психологических дисциплин такие темы как: разработка системы качества менеджмента, отладка бизнес-процессов, повышение квалификации персонала, лояльность друг к другу участников производственного процесса на предприятии, миссия организации, ее философия и социальная ответственность, как и многие другие темы, связаны непосредственно с жизнеспособностью организации в целом и жизнеспособностью каждого из ее членов.

В далеко неполном обзоре по исследованиям жизнеспособности в экономических науках отметим, что акцент в них делается на поиске индикаторов жизнеспособности, признаков роста и устойчивости, стабильности и надежности ор-

ганизации или экономической системы в целом. Очевидная соотносимость понятия «жизнеспособность» в экономических и психологических науках дает надежду на интеграцию и междисциплинарность изучения жизнеспособности человека и семьи в социально-экономическом аспекте в ближайшем будущем.

1.4. Понятие «жизнеспособность» в социологии, экологии и других социальных науках

Термин «жизнеспособность» имеет прямую связь с кибернетикой и теорией устойчивого развития, используется в ряде социологических, экологических и демографических исследованиях, а также появляется в работах, посвященных анализу причин устойчивости развития и качества жизни человека и общества.

Практически все исследования жизнеспособности человека в социальных науках, а также в смежных областях, могут быть сгруппированы вокруг трех основных понятий. Эти понятия коррелируют с выделенными С. Пономаровым и М. Холком следующими характеристиками человека, соотносимыми с его жизнеспособностью:

- 1) готовность человека;
- 2) реагирование и адаптация;
- 3) восстановление или приспособление (Пономаров,

Holcomb, 2009).

Некоторые российские исследования последних лет в социологии и демографии были направлены на изучение жизнеспособности социальной среды, города (Общественное здоровье..., 2005) или нации в целом (Кара-Мурза, 2010; Дагбаева, 2011; Михайлова, 2002). В большинстве этих исследований, прежде всего, обращено внимание на социальное здоровье человека, которое рассматривается через призму его жизнеспособности. Поэтому в проблеме здоровья человека «жизнеспособность» – чаще всего показатель, интегрально отражающий состояние человека и изменяющийся как во времени, так и под влиянием различных факторов (внутренних и внешних, позитивных и негативных) и рассматривается как критерий здоровья. Здоровье, как система, должно характеризоваться структурой, состоящей из системообразующего фактора (или ядра) и элементов (в нашем случае показателей здоровья). Сущностью (ядром) данной системы является определенный уровень жизнеспособности, который, как в любом живом организме, зависит от степени постоянства, консервативности, стабильности его внутренней среды (Щедрина, 2007).

В социологической литературе исследуют категорию «качество жизни» и в связи с этим обращают внимание на жизнеспособность человека, общества или нации в целом: «Качество жизни является интегральной качественной характеристикой жизни людей, раскрывающей не только жизнедеятельность, но и способность к развитию» (Щедрина, 2007).

тельность, жизнеобеспечение, но и жизнеспособность общества как целостной саморазвивающейся системы. Повышение качества жизни населения, его социальное самочувствие во многом зависит от подтверждаемой реальной жизнью уверенности в том, что в результате собственных усилий настоящее и ближайшее будущее будет лучше, чем недавнее прошлое» (Дагбаева, 2011, с. 124). Автор делает акцент на том, что это является главным условием для повышения качества жизни населения России. Исследуя зависимость устойчивости социальной системы от ее жизнеспособности, С. Д. Н. Дагбаева считает, что «деятельность социальной системы должна быть подчинена повышению ее устойчивости, критериями которой являются: увеличение жизнеспособности населения, умение адекватно реагировать на происходящие изменения», т. е. автор ставит устойчивость социальной системы в зависимость от такой характеристики, как жизнеспособность населения. По ее мнению, «жизнеспособность является одной из наиболее важных характеристик устойчивости социальной системы, ее социального самочувствия и благополучия» (там же).

Обобщая номологические утверждения, касающиеся других дисциплин, но демонстрирующие общие законы жизнеспособности, рассмотрим принципы и законы, описанные Н. Ф. Реймерсом, специалистом по биологической социальной экологии. Позволим себе при этом выбрать только то, что, на наш взгляд, согласуется с психологическими представле-

ниями о жизнеспособности системы (Махнач, Лактионова, 2007).

1. Поскольку число элементов и свойств системы, обеспечивающих рост жизнеспособности, ограничено, приходится прибегать к повышению индивидуальной жизнеспособности, устойчивости и надежности элементов.

2. В рамках системы нежизнеспособные, неустойчивые или индивидуально ненадежные элементы могут образовать жизнеспособное, устойчивое и надежное целое. Прикрытие элемента, нежизнеспособного по отношению к воздействию, жизнеспособным позволяет «погасить» воздействие на последнего и не допустить его к нежизнеспособному состоянию по отношению к данному воздействию. При воздействии противоположного типа элементы меняются ролями. Таким образом, жизнеспособная система может состоять из различных по жизнеспособности элементов.

3. Жизнеспособность, устойчивость и надежность систем имеют пространственные и временные границы («локусы» существования). В исследованиях организационного стресса особое внимание уделяется проблеме соответствия ресурсов имеющимся задачам. Теория соответствия утверждает, что не существует хороших или плохих ресурсов, важно – соответствуют ли они требованиям текущей задачи.

4. Локус существования системы обеспечивает ее жизнеспособность тогда, когда он «разрешает» ей движения и изменения по всем возможным направлениям. При этом мо-

жет изменяться количество, качество, состав элементов, действий, связей, их структурирование, агрегирование, кооперация, адаптация к среде. Из сказанного следует также, что утрата возможности изменений для системы в целом ведет к ее стагнации и катастрофе.

5. Отношения среды с системой подразделяются на три группы: благоприятные, неблагоприятные и индифферентные. Система может повысить жизнеспособность и устойчивость следующим образом:

а) сокращая свой объем и внешнюю границу в локусе существования в пределах характерности;

б) за счет переструктурирования, агрегирования элементов и кооперирования их в подсистемы, блоки и т. п., не выходя за рамки своей «характерной структуры» или организации;

в) минимизируя опасность границы путем агрегирования данной системы с другими системами из актуальной среды («эффект союза») (Реймерс, 1994, с. 45–49).

Говоря в целом о социальной системе, Н. А. Костко отмечает: «Ее жизнеспособность определяется не столько принципами экономического детерминизма, сколько ростом целевой и прикладной значимости социальности во всех сферах и процессах» (Костко, 2004, с. 3). Для устойчивого развития общества он предлагает формировать «установку на необходимость создания условий и норм, формирующих потребности нравственно-личностного участия граждан в про-

цессе управления развитием общества как мотивированного базового основания его жизнеспособности» (там же, с. 21). Согласимся, что «жизнеспособность любой социальной структуры определяется тем, насколько она способна утилизировать то иррациональное, что в ней существует, придавая ему не разрушительный, а созидательный потенциал» (Аллахвердян и др., 1998, с. 227). Неслучайно в политических науках к значимым качественным характеристикам общества наряду с другими относят и жизнеспособность этого общества.

В анализе сложного общественного явления – политического развития – высказывается мнение, что необходимо анализировать в качестве наиболее крупных качественных характеристик «политическое пространство, способы изменений, жизнеспособность системы, устойчивость к неблагоприятным внешним и внутренним возмущениям» (Недельский, 2000, с. 17). В другом исследовании содержание жизнеспособности и устойчивости политической системы (эти понятия используются как синонимы) уточняется с помощью ценностной и духовной составляющих. В ряде исследований в политологии принято связывать прогнозы развития тех или иных политических событий с жизнеспособностью системы. Ресурсы жизнеспособности режима могут подразделяться по различным основаниям. Г. Биннендаик, например, сформулировал комплексную типологию факторов (которые могут быть рассмотрены и в качестве ресур-

сов), оказывающих непосредственное влияние на политический режим и потенциально способствующих его изменению. Он выделил «семь таких факторов: 1) физический и духовный потенциал лидера; 2) военное состояние и боеспособность режима; 3) положение дел в экономике; 4) социальная напряженность в обществе, в котором отделяется персона носителя власти от народа; 5) прочие социальные факторы, способствующие параличу власти (масштабы коррупции в структурах власти, убийства или изоляция ключевых фигур политической оппозиции); 6) наличие политической коалиции на антиправительственной основе; 7) настроения в армии» (Binnendijk, 1987, p. 217–219). Вместе с тем, по мнению А. П. Цыганкова, большинство представителей одного из самых влиятельных направлений этой науки – советологии – не сумело адекватно предсказать жизнеспособность советской системы (Цыганков, 1995). Среди ресурсов жизнеспособности политической системы Г. Биннендаijk на первое место ставит фактор физического здоровья и духовный потенциал лидера как «наиболее важный признак упадка или жизнеспособности системы. Он может привести как к развитию системы, являясь фактором жизнеспособности, так и способствовать ее падению» (Authoritarian Regimes, 1987, p. 219). Этому исследованию уже более двадцати лет, в котором одной из изучаемых автором стран был СССР, но выводы, сделанные этим известным ученым, актуальны как никогда и сейчас для ряда стран, в том числе и для

России. Многим раньше на детерминированность политического развития государственности, власти и жизнеспособности обратил внимание русский религиозный мыслитель В. С. Соловьев. Среди факторов жизнеспособности общества и государства на историческом примере древнерусского государства он выделяет единовластие, сопоставляя его с Новгородским вече, назвав его разновидностью междоусобной войны. «Недостаток прочной организации, отсутствие единовластия делало киевскую Русь беззащитной против окружающих диких орд, отнимало у нея историческую жизнеспособность» (Соловьев, 1895, с. 154).

Подобные признаки жизнеспособной политической системы перечисляют В. В. Буханцов и М. В. Комарова. Система может называться жизнеспособной при наличии развитой духовной культуры с духовной легитимизацией; осознанной обществом парадигмой развития; историческим оптимизмом; способностью выбирать в точках бифуркации новые каналы эволюции; высоким уровнем науки, культуры, медицины и других жизненно важных сфер цивилизованного общества; признанием роли идеологии как многоуровневой интегративной силы, формирующей политическое мировоззрение (систему ценностей); развитой системой образования; наличием продуманной программы воспитания граждан (Буханцов, Комарова, 2011). Определение жизнеспособности как качества системы наиболее точно отражает переменные, составляющие структуру жизнеспособности.

По-видимому, в социальных и политических науках в настоящее время происходит не только определение понятийного поля термина «жизнеспособность», но и уточнение переменных, входящих в содержание нового для этих наук термина. В большинстве социальных и политических исследований происходит его операционализация, что, как известно, представляет собой особую процедуру установления связей обсуждаемого понятия с методическим инструментарием, позволяющим уточнять его содержание.

В социальных науках жизнеспособность – это, помимо прочего, способность группы или организации противостоять потерям, ущербу или восстанавливаться от воздействий непредвиденных неблагоприятных событий или бедствия. Уязвимость – это мера восприимчивости группы или организации к испытанию потерей или бедствием (Buckle et al., 2001). Чем выше уровень жизнеспособности, тем меньше разрушений может испытывать организация или общество и быстрее и/или эффективнее будет проходить восстановление. Соответственно, чем выше уровень уязвимости, тем более видимым будет воздействие разрушений для общества. Ф. Бакл с соавт. считают, что «жизнеспособность и уязвимость должны быть привязаны к месту происходящих событий или ситуации, но на эти обе характеристики влияют такие факторы контекста, как экономические, политические условия, окружающая среда и инфраструктура общества» (ibid., p. 9). Жизнеспособность и уязвимость взаимо-

действуют друг с другом на социальном уровне, в пространстве и во времени. Для получения четкой картины жизнеспособности или уязвимости необходимо понимать контекст, в котором человек или общество живет, исследовать особые обстоятельства жизни человека или общества. Жизнеспособность и уязвимость создаются благодаря комплексу взаимодействий многих факторов. «Среди факторов, поддерживающих жизнеспособность (их отсутствие является условием появления уязвимости), выделяются следующие: доступ к ресурсам и финансовая безопасность; умения и навыки (например, навык решения проблем, принятие решений и др.). Жизнеспособность и уязвимость человека могут быть «изучены на нескольких уровнях (направлениях), включающих: индивида, семью, группу (например, спортивный клуб, команда), улицу, соседей, демографические группы (по полу, возрасту), этнические группы, муниципалитет, регион, область, государство. На системном уровне (экономическом, политическом, ценностей и норм) жизнеспособность изучают через характеристики инфраструктуры и окружающей среды, а также через доступные населению услуги» (ibid, p. 10).

Жизнеспособность и уязвимость не всегда являются противоположными полюсами для индивида, группы или общества в целом.

Человек (общество) может быть уязвимым вследствие воздействия неблагоприятных событий, но является жизне-

способным для выполнения тех или иных работ, обладая некоторыми важными для ситуации навыками. Он может быть частью системы отношений, способной оказать необходимую эмоциональную поддержку и тем самым увеличить свою жизнеспособность или общества в целом. В этом случае жизнеспособность как системная характеристика является независимой переменной от уязвимости.

В экологическом исследовании устойчивого развития систем Х. Босселем среди ряда признаков, характеризующих устойчивое развитие любой из систем, основным называется жизнеспособность. Он считает, что она подразумевает устойчивость (Боссель, 2001). «С экологической точки зрения в устойчивом развитии особое значение имеет жизнеспособность локальных экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы в целом» (Гизатуллин, Троицкий, 1998, с. 129). В таком случае возникает необходимость обращения к понятиям природных систем обитания человека, пониманию им экологии среды, в которой он обитает, его жизнеспособности в этой среде. В. Н. Большаков и его коллеги, оценивая возможность резких переходов экологических систем разного ранга из одного более или менее стационарного состояния в другое, говорят о концепции жизнеспособности (*resilience*), переводя этот термин как *упругая устойчивость* (Большаков и др., 1996).

Понятие «жизнеспособность» в исследованиях социума в самых разнообразных его характеристиках также начина-

ет занимать достойное место. Например, существует современная глобальная тенденция связывать жизнеспособность и различные аспекты национальной безопасности как основные критерии развития общества. Во многих исследованиях национальная безопасность страны анализируется с позиции жизнеспособности и рассматривается как совокупность условий для обеспечения суверенитета страны, защиты ее интересов и интересов граждан, как уверенность в будущем, в развитии гражданского общества, благосостояния государства и граждан. В этих исследованиях предложена трактовка жизнеспособности общества как степени реализации потребностей населения в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве (Михайлова, 2002; Ястребов, Красилова, 2012).

Рассуждая о базовых ценностях, в своей совокупности являющихся основой духовности как компонента жизнеспособности, обратим внимание на то, что они, были сформированы во времена СССР, и, как бы к такой взаимосвязи ни относились, являются базовыми ценностями современного российского общества. О неслучайной взаимосвязи постулатов нравственных законов периода развитого социализма и библейских заповедей было рассказано Ф. Бурлацким (2007). В данном контексте эта взаимосвязь проявилась в высокой гомогенности базовых ценностей, которая служит духовным основанием целостности российского общества (Ла-

пин, 2003). Противоположной точки зрения придерживается И. М. Ильинский, согласно мнению которого, чтобы быть жизнеспособной, личность переходного периода (от тоталитарного к демократичному обществу) должна быть достаточно жесткой и конкурентоспособной. Такой жизнеспособный человек по результатам своей деятельности ориентирован в большей степени не на общечеловеческие, гуманистические ценности, а на индивидуальные и групповые (Ильинский, 2001). Что же может случиться с человеком на таком этапе развития общества, если групповые ценности противоречат индивидуальным? По нашему мнению, именно противоречия между индивидуальными и групповыми ценностями и привели к потрясениям 1990-х годов в нашей стране.

Общественная история чаще показывает иную картину – для кризисных этапов развития общества характерно объединение его членов вокруг общечеловеческих ценностей, в то время как индивидуализм показывает свою несостоятельность и он губителен для индивида. Когда нет опасности, быть индивидуалистом гораздо безопаснее. Объединение людей вокруг доминирующей в обществе морали происходит во времена войн, катастроф, трагедий (см., например: Alpert et al., 2004; Gross, 2010; Schuster et al., 2001). Обсуждая подобные ситуации, стоит вспомнить о том, что М. Шелер выделял «ситуационные ценности» и противопоставил их «вечным ценностям», имеющим значение всегда и для всех. Последние ждут того момента, «когда пробьет

их час, когда нужно использовать неповторимую возможность их реализовать; эта возможность может быть упущена, и ситуационная ценность останется навсегда нереализованной» (Франкл, 2000, с. 47–48). Если о значении вечных ценностей для жизнеспособности общества не возникает сомнений, то ситуационные ценности, которые во многом зависят от реальностей развития общества, необходимо исследовать постоянно, отмечая их трансформацию во временной перспективе, фиксировать изменения в их порядке. Что происходит в данный момент с вечными и ситуационными ценностями общества? Наблюдается обращение к традиционным ценностям, имплицитно представленным в обыденном сознании общества, ценностям незыблемым и практически лишенным динамики. Вместе с тем ценности семьи, справедливости, альтруизма серьезно изменили свою значимость, несмотря на то, что они по-прежнему могут оставаться определяющими в ценностной структуре общества. Коллективистские ценности и их значимость для современного общества, ранее присущие советскому обществу, для большинства населения перестали быть таковыми. «Средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большинства европейских стран, привержен ценностям богатства и власти, а также личного успеха и социального признания. Сильная ориентация на личное самоутверждение оставляет в его сознании меньше места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, о толерантности, о природе и окружающей среде и да-

же для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает. Также серьезная озабоченность низким уровнем альтруистических, солидаристских ценностей в российском обществе и, наоборот, гипертрофированностью индивидуалистических ориентаций, которую выражают публицисты, ученые и общественные деятели, вполне обоснована» (Магун, Руднев, 2008, с. 115–116). Эти данные о ситуационных ценностях России первого десятилетия XXI в. принципиально отличаются от бытующих представлений о вечных ценностях современного российского общества. Одним из решений обозначенной проблемы может стать общероссийский дискурс о тех базовых ценностях, без которых невозможно приемлемое общество в России. В поле этого дискурса должны попасть такие ценности и ценностные позиции: власть и вседозволенность, социальный порядок и свобода, повседневный гуманизм и справедливость (Лапин, 2003, 2010).

Отдельно хочется остановиться на исследованиях, в которых анализируется *взаимовлияние нравственности и жизнеспособности социума*. Основой морали служит социальная природа человека, что проявляется в постоянном соотношении интересов человека, общества, норм и требований, общественного и личного в человеке. Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось тем, что из нашего лексикона постепенно исчезло то, без чего не бывает ни общества, ни государства, а именно: морали и духовных ориентиров. Это отрицательно повлияло на общественную нравственность, на

отношение человека к человеку. Россия оказалась таким государством, которое на всех уровнях сообщило своим гражданам: живите (выживайте) как хотите (можете), государство больше не определяет общественную нравственность и мораль. С этого момента власть и общество пошли в разных направлениях.

В частности, это коснулось и науки. Государство перестало «заказывать» ей, до этого всегда обслуживающей его потребности в изучении феноменологии, например, формирование моральных ценностей общества, разработку новой морали, новых этических представлений, современных состоянию общества, требовать изучения нравственности в обществе. Современные производственные коллективы, компании, профессиональные ассоциации не формируют у своих сотрудников моральных принципов по причине их отсутствия. Поэтому возникает необходимость соотнесения внутренних уставов и корпоративных стандартов, декларируемых или негласно существующих правил, жизнедеятельности коллектива в целом с общественной моралью. И поэтому в организациях, в которых понимают значение морали и нравственности для коллектива, принимают корпоративные стандарты, регулирующие взаимоотношения в этой сфере. Неслучайно в ряде исследований, прежде всего, в общественных науках обращается внимание на тот факт, что безопасность общества, развитие его духовного начала напрямую связаны с его жизнеспособностью.

Жизнеспособность как основа политической системы, государства часто является предметом исследования еще и потому, что ее взаимосвязь с духовностью лежит в основе политологических, культурологических прогнозов их развития. Связывание жизнеспособности с духовностью общества в таком ракурсе может объяснить многое и дать импульс научным исследованиям принципиальных характеристик развития общества. К ним относятся: взлеты и падения государственных систем, изменения в значимых для социума сферах (образование, здравоохранение, культура), успехи политики, мобилизация для своих целей энергии общества в связи с потрясениями в обществе (войны, революции, связанная с этим смена ценностей общества). Неслучайно в проекте концепции развития поликультурного образования в РФ среди принципов, определяющих современное поликультурное образование, сообщается, что «жизнеспособность сложных саморазвивающихся систем (образования. – А. М.) зависит от дифференцированности и богатства их элементов (принцип дифференциации и разнообразия). Чем сложнее внутренняя структура общества, чем разнороднее его этнический состав, чем более многомерна и асимметрична его культура, тем больше у него шансов выжить, тем более оно устойчиво и жизнеспособно. Именно многообразие, противоречивость и неоднородность современного мира делают его сбалансированным и единым» (Проект концепции..., 2010). Одна из основных функций концепции – воспитание

подрастающего поколения, не учтенная реформой образования последних двух десятилетий, – вновь не нашла своего законного места. И, к сожалению, эта функция в системе образования не стала основной, что сказывается сейчас и скажется в будущем на жизнеспособности населения нашей страны. Среди декларируемых принципов образовательной политики мы обратили внимание на следующий, последний среди всех (sic!): «Формирование морально-этических *стереотипов и воспитание трудовых навыков, необходимых для активной профессиональной деятельности*» (курсив мой – А. М.). В этом принципе образовательной политики только постулируется «формирование морально-этических стереотипов», а воспитываются – трудовые навыки и активность ради профессиональной деятельности. К сожалению, в этой концепции нет акцента на формировании нравственности и морали в рамках поликультурного образования в нашей стране. Приходится констатировать, что такие принципы как: «высокое сознание общественного долга», «коллективизм и товарищеская взаимопомощь», «добросовестный труд на благо общества» в обсуждаемой концепции отсутствуют, но существовавшие в истории нашей страны в «Моральном кодексе строителя коммунизма».

Можно по-разному относиться к этому историческому документу, но интересно, что, по признанию одного из разработчиков этого кодекса – Ф. Бурлацкого, было решено «исходить не только из коммунистических постулатов, но и

также из заповедей Моисея, Христа, тогда все действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов» (Бурлацкий, 2007, с. 4). Было бы методологически верным считать, что потенциал выживания системы тем выше, чем разнообразнее и дифференцированнее ее реакции, соответствующие многообразию внешних воздействий. Отрадно, что в концепции развития поликультурного образования в РФ заявлено, что принцип поликультурности, лежащий в основе воспитания подрастающего поколения, – основа жизнеспособности в будущем системы образования и общества в целом. Однако этот принцип, заключающийся в систематическом приобщении подрастающего поколения к культурным и духовно-нравственным традициям, не основывается на базовых и традиционных духовных ценностях многонационального народа России. Стремление к новому, без опоры на традицию и часто негативное отношение к понятиям «консерватизм», «традиционализм» не может формировать жизнеспособное общество и его мораль. Развитие нашего общества за последние десятилетия показало значимость всех этих условий, а их неисполнение, к сожалению, повлекло за собой ряд событий, которые никак не могут указывать на жизнеспособность общества и государства в целом. Вместе с тем известно, что именно эти качества придают обществу устойчивость, жизнеспособность (Наумова, 2007). Как показывает исторический опыт, соци-

ум жизнеспособен тогда, когда может реализовать природный, материально-энергетический, духовный и организационный потенциалы в целях противодействия обществу вызовам и угрозам. Он проявляет жизнеспособность, когда способен управлять внутренними и внешними процессами в соответствии с функциональным предназначением – адекватно реагировать на развитие опасных глобальных, международно-региональных и внутренних противоречий (Вершилов, 2008).

В политологических исследованиях принято связывать прогнозы развития тех или иных политических событий с жизнеспособностью системы. В последние годы также в речах политиков стали встречаться слова: «жизнеспособность» и «устойчивость» общества. По мнению одного из них, политическая система в России стала более жизнеспособной, в большей степени отвечающей интересам граждан, с чем трудно согласиться, не имея перед собой достаточно четкой концепции в виде «морального кодекса строителя новой России». В связи с этим важны доказательства и факты, подтверждающие, что существующая политическая система отвечает интересам граждан, потому как она должна давать каждому из нас ощущение себя жизнеспособным членом этого общества. Жизнеспособным – по ряду основных факторов: стабильности семьи, социального окружения, самостоятельности и самоэффективности, культурной идентичности каждого члена общества, моральных и нравствен-

ных ориентиров общества.

Следует отметить, что роль духовно-психологического фактора в поддержании жизнеспособности режима часто недооценивается. Значение этого фактора понимал еще Конфуций, утверждавший, что «всякое правительство нуждается в хлебе, оружии и *доверии* людей. В крайних случаях оно может обойтись без первых двух, но никогда без последнего» (цит. по: Цыганков, 1995, с. 123). Умение режима мобилизовать в своих целях духовно-психологическую энергию – одна из важнейших основ его стабильности и жизнеспособности, срабатывающая иной раз даже в тех случаях, когда изрядно истощены его материальные ресурсы. Как правило, в таких случаях государство, его лидеры обращают особое внимание на церковь как хранителя духовных устоев общества (Цыганков, 1995). Не случайно после многих лет политики уничтожения веры и верующих И. Сталин в 1939 г. изменил отношение к церкви, что связывают с присоединением к СССР западных земель Украины и Белоруссии, отторгнутых у Советской России Польшей в ходе Советско-польской войны 1919–1921 годов. По его расчету, Русская православная церковь была единственной силой, которая могла бы связать православных этих территорий с православными всей страны. Начавшаяся война заставила убежденных марксистов обратиться к русским патриотическим традициям, последовательно искоренявшимся прежде. Теперь Сталин уже оперирует ранее не свойственными ему

словами «братья и сестры», вспоминает русских полководцев, забыв о былом коммунистическом интернационализме (Бубнов, 2005). Другое наблюдение по времени и событиям также имеет отношение к социальным исследованиям жизнеспособности народа. Еще в 1978 г. известные исследователи стресса Л. Пёрлин и С. Скулер отмечали: «В случае появления выраженного межличностного стресса и наличия стрессогенности в отношениях, имеющих социальное, экономическое или производственное происхождение, наиболее эффективными средствами „помощи“ оказываются манипуляции целями и ценностями. Этот прием позволяет людям эмоционально дистанцироваться от проблемы и переносить стресс легче» (Pearlin, Schooler, 1978, p. 20). Такой простой прием применяется каждый раз, когда в коллективе, обществе вызревает конфликт отношений: для того чтобы его погасить, находится иная цель, начинают озвучиваться иные, чем прежде, ценности. С нашей точки зрения, манипуляции ценностями в общественных кампаниях вокруг сирот, лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией и других групп социальной стигмы являются яркими примерами из жизни общества, находящегося в состоянии стресса уже не первый десяток лет. Людей, которых реально задевают эти манипуляции, – ничтожно мало, а манипуляции общественным мнением снимают остроту проблем, например, в области сиротства. Такие же аллюзии возникают в интерпретации исторических фактов при смене системы ценностей на

определенных этапах развития любой нации и государства. В связи с этим не является простым совпадением тот факт, что культура, образование, идеология и национальная безопасность взаимодействуют друг друга.

Очевидно, что образование способно остановить процессы духовного и интеллектуального обнищания нации, сформировать нравственные качества личности и создать основу для всестороннего развития России (Михайлова, 2002). В современном индустриальном обществе, по мнению Г. Маркузе, вследствие распространения влияния «репрессивного разума» происходит «сворачивании измерений». Этим понятием характеризуется состояние социума, отражающее фундаментальный дефект его существования как общества без альтернативы. В результате складывается такая «одномерная» форма общественной жизни, в которой невозможна оппозиция. Процесс сворачивания измерений характеризует общество со стороны нарастания неустойчивости, нестабильности, сказывается на становлении неравновесной социодинамики. Логично, что «общество без альтернативы» имеет меньше шансов на продолжение своего существования по сравнению с «обществом с альтернативой». Сворачивание измерений – характерная черта советской, а также отечественной социальной практики сегодня. И. М. Предборская считает, что «мы не очень погрешим против истины, если сформулируем вывод в соответствии с настроениями размышлений Г. Маркузе: „Система является более жизнеспособной, чем общество“».

собной и плодотворной тогда, когда она имеет больше степеней свободы“, т. е. измерений бытия, которые реализованы и реализуются» (Предборская, 2003, с. 116). По Г. Маркузе: утрата жизнеспособности общества происходит неизменно в том случае, если начинают возникать явные противоречия между огромным общественным богатством и его нерациональным и разрушительным использованием, между потенциалом свободы и фактом ее подавления, между возможностью преодолеть отчужденный труд и капиталистической потребностью в его сохранении. Следствием этого является распад морали, обеспечивающей в обычных условиях ежедневное соблюдение и следование социально необходимым моделям поведения на работе и вне ее (Marcuse, 1969). Закономерным следствием падения морали в обществе являются постепенная трансформация его ценностей, изменение приоритетов развития социальных институтов и связанное с ним снижение внимания государства к потребностям каждого члена этого общества. Важным аспектом концепции гибнущего общества является выделение признаков и причин его умирания:

1) распространение девиаций, превышающих допустимую меру, которая приводит к потере жизнеспособности общества (признаки потери жизнеспособности);

2) согласие общества с девиантным типом поведения и распространение «нормальных девиаций»; снижение в обществе роли основополагающего социального института –

семьи;

3) потеря обществом способности к развитию, естественному воспроизводству ресурсов;

4) потеря ощущения будущего, цели; развитие апатии, пессимизма; деактуализация духовного начала развития общества (Катаев, 2008).

Основные положения концепции гибнущего общества отчасти повторяются в исследовании А. А. Брудного, который обратил внимание на тот факт, что положительный знак четырех факторов, способствующих развитию жизнеспособности человечества, может смениться на противоположный. Первый фактор в его четырехфакторной структуре жизнеспособности человечества включает «способность проектировать и создавать орудия защиты и нападения... в способность создавать абсолютное оружие, оружие, угрожающее самому существованию человечества. Есть надежда, что оружие это не будет пущено в ход. Но это надежда» (Брудный, 2013, с. 100).

Именно в связи с такого рода угрозами во всех жизнеспособных культурах существуют моральные ценности и нравственные правила. Именно по этой причине любой жизнеспособный социум должен уметь согласовывать интересы и деятельность отдельных личностей и групп и приводить их в соответствие с общими интересами данного социума, равно как и осознавать эти общие интересы в более или менее рациональной форме (Ляхова, Галанина, 2005). По мнению

А. Л. Журавлева и А. В. Юревича, национальная идея способна стать объединяющей и может служить источником оптимизма, жизнестойкости, жизнелюбия и, в конечном счете, жизнеспособности личности и витальности нации, оказывая также большое влияние на субъективное качество жизни, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и высшее проявление этой удовлетворенности – счастье ее граждан (Журавлев, Юревич, 2014).

Таким образом, в социологических и экологических исследованиях доминирует понимание жизнеспособности как устойчивости: устойчивое развитие предприятия, города, государства или системы в целом. Особое внимание в исследованиях обращается на способность системы не только противостоять сильному воздействию, выдерживать удар, но и быстро восстанавливаться, адаптироваться к новым условиям, устойчиво функционировать и развивать стабильность. Жизнеспособность в социологических и экологических исследованиях связана с устойчивым функционированием локальных экономических или экосистем, от которых зависит стабильность всей экономической системы или биосферы в целом. В социологических и экологических исследованиях жизнеспособность человека (общества) определяется, прежде всего, через совладание и преодоление им трудностей и кризисов. В работах, посвященных анализу устойчивости развития общества, исследователи нацелены на поиск оснований его устойчивого развития во всех сферах обще-

ственной жизни. По этим темам возможны пересечения исследований в социологии, экологии и психологии.

1.5. Понятие «жизнеспособность» в педагогических науках как основа развития и адаптации ребенка в сложных жизненных условиях

В педагогике продолжают исследования жизнеспособности детей, оказавшихся в неблагоприятных условиях жизни в силу обстоятельств семьи. З. Войтинас описывает детей, которые, несмотря на то, что живут в экстремально трудных условиях, как, например, в полностью деградировавших семьях, остаются *«неповрежденными»*. Их также называют *«несокрушимыми детьми»*. Автор для определения этого свойства у детей использует термин *«resilient»* – жизнеспособные (Войтинас, 2003). Дж. Вэйлант дал образное и при этом точное описание жизнеспособных детей, напоминающих *«свежие веточки на живом основном корне. Когда их сгибают, такие ветки изгибаются, но не ломаются, и вместо этого они выпрямляются обратно и продолжают расти»* (Vaillant, 2002, p. 285). В педагогике этот феномен жизнеспособности человека (*«гнется, но не ломается»*) встречается в исследованиях отечественных и зарубежных ученых (Ваништендаль, 1998; Войтинас, 2003; Зеньковский, 1996;

Ary et al., 1999; Bleuer, 1978; Cicchetti et al., 1993; Garmezy, 1976; Luthar, 1995; Masten et al., 1988; и др.). Еще в начале XX в. русский педагог П. Ф. Каптерев обратил внимание на понятие «жизнеспособность», связав утраченное или действия страхом в процессе воспитания ученика с понижением общей жизнеспособности и его энергии подрывом всех сил. Страх, по его мнению, «парализует движение произвольных и непроизвольных мышц, задерживает кровообращение, путает ум, ослабляет память...» (Каптерев, 1914, с. 235). Описывая типичную процедуру воспитания, он рассуждает о формировании жизнеспособности ребенка: «Иногда шалуна наказывают – наказывают за его шалости и все никак не могут подавить шаловливости, шалун продолжает шалить. Приходится все усиливать и усиливать наказание, т. е. все больше и больше понижать общую жизненную деятельность шалуна, пока, наконец, общее понижение органической энергии отразится и специальным понижением шаловливости. Это называлось в прежнее время „сломить“ шаловливого школьника, „вышколить“ его, справиться с ним строгими дисциплинарными мерами. Также поступают и с взрослыми: какого-нибудь вора, бродягу, разбойника бьют и держат в гнуснейшей тюрьме до тех пор, пока он... сделается негодным ни к какой деятельности, за крайним подавлением и истощением энергии и жизнеспособности. Отсюда вера в воспитание страхом... Что может быть вздорнее и нелепее такой веры! Страх парализует энергию человека, телесную и

духовную, понижает его жизнеспособность» (там же, с. 236).

Н. Гармези выделил три фактора, которые защищают детей от воздействия неблагоприятной стрессогенной окружающей среды, так называемого «социально токсичного окружения» по Дж. Гарбарино (Garbarino, 1995):

1) «легкий» темперамент, проявляющийся в гибкости и адаптивности личности; это свойство позволит ребенку в сложной ситуации или даже целом отрезке его жизни искать и находить иной способ реагирования;

2) наличие хотя бы одного взрослого, «значимого другого», проявляющего заинтересованность в ребенке;

3) наличие сети социальной поддержки, в которую могут входить соседи, знакомые, одноклассники, учителя, друзья, священник, позволяющие более адаптивно относиться к неблагоприятному воздействию окружающей среды (Garmezy, 1985).

Одним из первых в современной отечественной педагогике на необходимость постановки вопроса о воспитании жизнеспособности молодого поколения обратил внимание И. М. Ильинский. Он связал жизнеспособность молодых людей с обстоятельствами их жизни: находящимися в необычайно жестких условиях природной и социальной среды, которая характеризуется крайней идеологической, социально-политической и экономической нестабильностью и неопределенностью. По И. М. Ильинскому, жизнеспособность – это способность человека (поколения) выжить, не деградируя, в

«жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, развиться и духовно возвыситься, воспроизвести и воспитать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном планах. Задача жизнеспособной личности – стать *индивидуальностью*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.